

На правах рукописи

ДРУЖИНИН Андрей Сергеевич

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КОНТРАФАКТИВНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ
КОНСТРУКЦИЙ В АМЕРИКАНСКОМ
ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ**

2000-2012 гг.

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2014

Работа выполнена на кафедре английского языка № 1
ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет международных
отношений МИД РФ»

**Научный
руководитель:**

кандидат филологических наук, доцент
Новиков Дмитрий Николаевич
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
университет международных отношений МИД РФ»,
доцент кафедры английского языка № 1

**Официальные
оппоненты:**

доктор филологических наук, профессор
Песина Светлана Андреевна
ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова», декан
факультета лингвистики и перевода

доктор филологических наук, доцент
Белоглазова Елена Владимировна
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный экономический университет»,
профессор кафедры теории языка и переводоведения
гуманитарного факультета

**Ведущая
организация:**

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»

Защита диссертации состоится ____ мая 2014 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 209.002.07 в ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет международных отношений МИД РФ» по адресу: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет международных отношений МИД РФ».

Автореферат разослан «__» марта 2014 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н. В. Иванов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено когнитивному и прагматическому анализу функционирования грамматических конструкций английского языка, выражающих значение несоответствия фактам действительности, которые в традиционной лингвистике чаще всего определяются через термин «сослагательное наклонение».

Существовавшие до настоящего времени теории наклонения в современном английском языке, в том числе сослагательного, являлись весьма противоречивыми и не давали однозначного ответа ни относительно номенклатуры форм, выражающих данную грамматическую категорию, ни относительно содержания самого понятия сослагательности. По всей видимости, во многом это было продиктовано как традиционным стремлением уподобить описание английской грамматики образцу описания грамматики латинского языка, так и отсутствием у авторов описательных грамматик, опиравшихся, как правило, на методы структурной лингвистики, необходимого инструментария, ставшего доступным лишь с конца XX в. с приходом в лингвистику когнитивных методов исследования, ориентированных на объяснение фактов языка с учетом особенностей работы человеческого сознания. Тем не менее, нельзя отрицать существование в английском языке как способов построения высказываний, описывающих реальное положение дел, факты действительности, так и грамматических конструкций, с помощью которых выражаются ситуации, так или иначе выходящие за рамки описания реальных фактов. Именно эти конструкции, обозначаемые в работе контрафактивными, и находятся в фокусе настоящего исследования.¹

Применение био-социо-культурного подхода в рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистических исследований к осмыслению и определению языковых категорий и структур сознания, лежащих в основе их речевой актуализации, помогает раскрыть когнитивную сущность языковых форм как символических средств коммуникации. Как представляется, исследование того, как результаты познавательной деятельности носителя английского языка репрезентируются контрафактивными грамматическими конструкциями типа «*if I were..., I would...*», которые являются частью языкового опыта человека, позволит найти ответ на ряд важных вопросов, касающихся языкового и речевого характера исследуемого явления, то есть предоставит возможность установить его

¹ Отказ в данной работе от традиционного термина объясняется еще и тем, что «сослагательное наклонение» (от лат. *conjunctivus*, *subjunctivus* – «подчинять», «присоединять») указывает на обязательность употребления таких форм в соответствии с определенными синтаксическими правилами (например, в определенных типах придаточных предложений), что не является релевантным для современного английского языка.

основания на уровне языковой системы и более адекватно объяснить особенности его использования в дискурсе.

В качестве *теоретической основы* исследования выбрана концепция био-социо-культурного подхода к языку. Языковая способность является уникальной особенностью человека, позволяющей ему адекватно адаптироваться к окружающей среде посредством накопления опыта и знаний социо-культурного характера. В связи с этим все языковые репрезентации представляют собой эпистемические ориентиры, которые, во-первых, отражают результаты познавательной деятельности человека, а, во-вторых, служат средством успешной координации его собственных действий в окружающем пространстве.

Актуальность диссертационной работы обусловлена необходимостью дать описание категории контрафактивности, отражающее ее истинную языковую и речевую природу. На настоящий момент лингвистическая наука не располагает разработанной концепцией когнитивной сущности контрафактивных грамматических конструкций, раскрывающей их формальные, содержательные и функциональные особенности с точки зрения языковой личности как субъекта познания. Существующие теории так называемого сослагательного наклонения отражают преимущественно системно-структурный подход к языку, при котором все языковые явления отождествляются с функционирующими независимо от говорящего формообразованиями определенной семантики. Исследование грамматических реалий английского языка с позиции биологии познания и с учетом когнитивных механизмов речемыслительной деятельности, как представляется, прольет свет на вопросы о том, какие грамматические формы воспринимаются и осознаются говорящим как контрафактивные, каким образом и с какой целью используются им в языковой коммуникации и что лежит в основе их выделения в отдельную языковую категорию.

Объектом исследования являются контрафактивные конструкции английского языка. *Предмет* исследования составляют когнитивно-прагматические особенности их функционирования в современной английской речи (на материале предвыборного дискурса).

Целью диссертационной работы является комплексное изучение и описание когнитивно-прагматических особенностей речетворческой актуализации системного значения контрафактивных конструкций на материале предвыборного дискурса. Данная цель определила постановку ряда частных *задач*:

1) рассмотреть контрафактивные конструкции как семиотическое средство, используемое участниками языковой коммуникации с целью оказать ориентирующее воздействие друг на друга в окружающем пространстве;

2) раскрыть характер данного ориентирующего воздействия и сформулировать его в виде системного значения-прототипа

контрафактивных грамматических конструкций как единиц языкового опыта (лексикона) индивида;

3) определить номенклатуру контрафактивных грамматических конструкций в системе английского языка;

4) провести анализ когнитивных функций системного значения, реализуемого контрафактивными конструкциями;

5) описать прагматические параметры функционирования контрафактивных конструкций в американском предвыборном дискурсе.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных учёных в следующих областях знаний:

- общая лексикология: труды таких учёных, как Н. Н. Амосова, Ш. Балли, Э. Бенвенист, В. Г. Гак, Г. Гийом, С. Д. Кацнельсон, М. В. Никитин, Ю. С. Степанов и др.;

- когнитивная грамматика: работы Р. В. Лэнкера, А. В. Кравченко, А. А. Худякова, Н. Н. Болдырева и др.;

- семантика: исследования Н. Д. Арутюновой, И. К. Архипова, А. А. Брудного, В. А. Звегинцева, В. Я. Плоткина, О. Н. Селивёрстовой;

- когнитивная семантика: работы И. К. Архипова, Е. П. Беляевой, А. Вежбицкой, С. А. Жаботинской, Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Р. Лэнкера, М. В. Никитина, С. А. Песиной, Р. М. Фрумкиной, Д. Н. Новикова и др.;

- лингвистика текста и прагмалингвистика: исследования Т. А. ван Дейка, Дж. Остина, Дж. Серля, Г. М. Помпера, Л. Ф. Битцера, Р. Джослина, Е. И. Шейгала, А. Г. Гурочкиной, Е. Т. Юдановой и др.;

- история английского языка: работы О. Есперсена, И. Б. Хлебниковой, Б. А. Ильиша, И. П. Ивановой;

- биосемиотика: работы таких исследователей, как А. В. Кравченко, И. К. Архипов, А. А. Шаров, Й. Златев и др.;

- психолингвистика, нейролингвистика и нейрофизиология: научные труды Н. П. Бехтеревой, А. А. Леонтьева, Т. В. Черниговской, А. Р. Лурии, И. А. Зимней и др.

Фактическим *материалом* для исследования послужили англоязычные тексты предвыборных кампаний, опубликованные в СМИ, размещенные на интернет-сайтах и различных информационных ресурсах, а также речи предвыборных выступлений носителей английского языка в теле- и радиотрансляциях, в звуковом и видеоформате. В общей сложности было проанализировано 430 случаев употребления контрафактивных конструкций, извлеченных из 50 текстов речей 17 американских политиков, принимавших участие в избирательных кампаниях 2000, 2004, 2008 и 2012 гг.

Достоверность результатов исследования обеспечивается *комплексной методикой* работы, сочетающей как общие методы научного познания (наблюдение, синтез, анализ, сравнение), так и лингвистические методы: 1) семантический анализ; 2) прагматический анализ; 3) когнитивный анализ

словарных дефиниций; 4) корпусный анализ; 5) этимологический анализ; 6) элементы статистического анализа; 7) анализ мнений носителей языка.

В ходе исследования были сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Контрафактивные грамматические конструкции представляют собой такую конфигурацию языковых единиц, которая способна фиксировать в сознании языковой личности-интерпретатора высказывания свое особое ориентирующее назначение. Оно заключается в установке на такую координацию внимания и действий, которая должна происходить относительно реальности, «надмысливаемой» говорящим, – «супрареальности». Супрареальность тем самым есть ментальный образ, отражающий не актуально воспринимаемую реальность здесь и сейчас, а результат мыслительной «обработки» воспринимаемого как альтернативную модель действительности, «создаваемую» сознанием в момент речи.

2. Контрафактивные конструкции являются средством репрезентации феноменологического знания индивида, которое выражается в способности его как мыслящего субъекта-наблюдателя к когнитивной «переработке» воспринимаемой действительности и мысленной надстройке собственного супрареального пространства.

3. Ментальный образ супрареальности, раскрывая системное значение контрафактивных конструкций, образует когнитивную структуру, позволяющую носителю английского языка вербализовать смысл несоответствия актуальной для него действительности, что дает основания назвать ее грамматическим прототипом контрафактивных конструкций.

4. Номенклатуру грамматических конструкций контрафактивности в системе английского языка составляют те единицы языкового опыта индивида, которые служат ему средством означивания образа супрареальности и, соответственно, категоризируются сознанием как контрафактивные, т.е. формируют категорию контрафактивности на вербально-семантическом уровне языковой личности. Ядро этой категории образуют сочетания *would/could/might + Inf*, *would/could/might + (Inf) + (if) + V₂* (как сочетание глагола *would* и форм прошедшего времени, описывающее распространенную супрареальную ситуацию) – ее ближнюю периферию, и сочетания *if /only if/as if/it's time + V₂*, где фигурирует только форма прошедшего времени, – дальнюю периферию соответственно.

5. В текстах американского предвыборного дискурса контрафактивные конструкции, актуализирующие грамматический прототип (системное значение «супрареальность»), имеют три когнитивные функции – «супрареальность проекта» (описание планируемых действий в мысленной разработке), «ретроспективы» (реконструкция прошлых событий) и «проекции» (описание актуального настоящего так, как оно представляется в соответствии с задуманными стратегиями, однако в реальности этого пока не наблюдается в чистом виде).

б. Прагматические цели говорящего в данных речевых ситуациях сводятся к стремлению нарисовать в сознании реципиента образ «псевдореальности» для более эффективного внушения собственных установок.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- впервые предпринимается попытка изучить грамматическую категорию контрафактивности на уровне структур сознания;

- по-новому рассматривается содержательная сторона исследуемого грамматического явления, в частности формулируется системное, прототипическое значение контрафактивных конструкций, соответствующее образу супрареальности в сознании языковой личности;

- впервые проводится анализ когнитивных функций системного значения «супрареальность» и дается описание его актуализации в предвыборном дискурсе (супрареальность «проекта», «проекции» и «ретроспективы»);

- впервые описывается прагматический потенциал грамматических конструкций контрафактивности;

- в рамках предвыборного дискурса контрафактивные конструкции в английском языке впервые рассматриваются как средство реализации говорящим тактики моделирования псевдореальности с целью оказать суггестивное воздействие на адресата (электорат).

Теоретическая значимость работы заключается в рассмотрении способов реализации системного значения контрафактивных конструкций в политическом дискурсе с позиций когнитивной лингвистики и био-социокультурного подхода, что служит новой теоретической базой для изучения категории контрафактивности в грамматической системе английского языка и вносит вклад в понимание особенностей ее функционирования в лингвориторике предвыборного дискурса. Выводы исследования расширяют научное описание суггестивного воздействия синтаксических средств английского языка. Предложенный в работе подход к изучению грамматического строя развивает методологию когнитивного анализа не только лексических единиц, но также грамматических явлений английского языка.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования положений и выводов данного исследования в преподавании практических и теоретических курсов английского языка, теоретических курсов по общему языкознанию, грамматике, теории коммуникации и межкультурной коммуникации, спецкурсов по когнитивной лингвистике, анализу политического дискурса, а также при составлении учебных пособий по грамматике. Предложенные методологические подходы и исследовательские процедуры могут найти применение при написании курсовых, дипломных и диссертационных работ.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры английского языка № 1 МГИМО (У) МИД России (2011–2013 гг.), на кафедральных научных семинарах по проблемам современной английской филологии (2013г.), на научно-практических конференциях в ВлГУ имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых («Мир –

Язык – Человек», 2012 г.) и РГПУ им. А.И. Герцена («Герценовские Чтения», 2013 г.). По теме диссертации опубликовано пять статей, три из которых – в рецензируемых научных журналах ВАК Министерства образования и науки РФ.

Объем и структура диссертации. Диссертационное исследование содержит 181 страницу машинописного текста, из них 149 страниц основного текста, включая Введение, три главы, Заключение и 3 таблицы. В конце работы приводятся Список использованной научной литературы, включающий 126 наименований на русском языке и 47 наименований на иностранных языках, Список лексикографических источников, Список процитированных источников и Приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **ВВЕДЕНИИ** диссертации аргументируется выбор тематики работы, формулируется научная проблема и актуальность представленного исследования, анализируется уровень разработанности рассматриваемой проблемы, раскрывается теоретическая и методологическая основа работы, намечаются цели и задачи исследования, а также обосновывается его теоретическая и практическая значимость и научная новизна.

В **ПЕРВОЙ ГЛАВЕ** «*Соотношение понятий контрафактивности и сослагательного наклонения в английском языке*» формулируется основная теоретико-методологическая проблема исследования, заключающаяся в определенной неадекватности применения традиционного подхода к описанию языковой и речевой природы форм так называемого «сослагательного наклонения». Проводится обзор основных теорий, предложенных представителями различных лингвистических школ с целью описания формальных, семантических и функциональных особенностей данного языкового явления. Делается вывод об отсутствии единой концепции сослагательного наклонения, которая могла бы стать универсально приемлемой при анализе функционального и когнитивного аспектов грамматической категории. Обосновывается выбор терминологического обозначения «контрафактивные конструкции» применительно к формам традиционного сослагательного наклонения и делаются установки на поиск новых научных перспектив их изучения.

Вплоть до второй половины XX в. грамматика языка понималась лингвистами как организованный в соответствии с определенными правилами строй языковых единиц, обуславливающий вариативность их семантических свойств. Подобный взгляд на сущность языка стал причиной доминирования в научных исследованиях принципа структурализма, в ракурсе которого все языковые явления рассматривались как конфигурации форм и структур. Порядок этих конфигураций, согласно представлениям структуралистов, подчиняется законам внутренней организации, что отождествляет

грамматическую систему языка с существующей вовне, в отрыве от говорящего и слушающего, абстрактной моделью языковой действительности.

Исходя из этого, сослагательное наклонение воспринималось учеными как один из компонентов данной модели, на что указывает сам термин (от лат. *subjunctivus, conjunctivus* – «присоединять, подчинять»). Руководствуясь методом структурного анализа, исследователи предлагали различные варианты классификаций форм и конструкций, давая им отдельные обозначения (субъюнктив, кондиционалис, конъюнктив и т.д.). Выводы лингвистов также проливали свет на отношение данных форм к идентичным формам изъявительного наклонения (оппозиции граммем И. Б. Хлебниковой, В. И. Сиволаповой, А. В. Мельниковой, семантические оппозиции глагольных парадигм М. Я. Блоха и А. И. Смирницкого) и причину существования этой оппозиции (омонимия форм прошедшего времени, по Б. А. Ильишу, Л. С. Бархударову, и модальные значения прошедшего времени – у О. Есперсена и Ф. Палмера). В результате даже в рамках структурного подхода ученые не могли достигнуть единодушия в том, 1) как определить (морфологическая категория или синтаксическое средство выражения семантики нереальности, отдельная категория или субкатегория модальности?); 2) как назвать (субъюнктив, конъюнктив, кондиционалис, предположительное или косвенное наклонение?); 3) как идентифицировать формы выделяемого ими сослагательного наклонения (входят ли в состав сослагательного наклонения конструкции типа *that he (should) be*, могут ли модальные глаголы выражать значение сослагательного наклонения?).

На современном этапе развития научной мысли методологическая база лингвистических исследований заметно расширяется: ученые разрабатывают новые подходы к описанию языка и его грамматического строя. В частности, выдвигаются концепции, в которых явление сослагательного наклонения рассматривается в ракурсе функционализма, функциональной логики и теории коммуникации. Представители функционального и коммуникативного направлений, как правило, не выделяют традиционную сослагательность в чистом виде, поскольку видят в наклонении глагола форму воздействия говорящего на адресата посредством выражения воли или отношения (Дж. Лайонз, Э. Бенвенист, Дж. Лич, Дж. Муир, Дж. Синклер и др.), поэтому конструкции типичного сослагательного наклонения считаются ими средством модальности, т.е. выражения нереальности. Некоторые признают сослагательное наклонение формой сообщения адресату о фактическом статусе высказывания (Д. А. Штелинг, Ш. Балли). С точки зрения логики, сослагательность ассоциируется исследователями с контрафактивными высказываниями преимущественно условного типа, в которых посредством выводимости консеквента *B* из антецедента *A* (*if A ..., B would...*) утверждается или отрицается истинность и достоверность фактов (Д. Льюис, Дж. Коллинз, Н. Гудман).

В рамках данных концепций язык приравнивается к совокупности математических законов и рабочему механизму, обеспечивающему реализацию

коммуникативных функций. Как представляется, это еще более затемняет истинную сущность исследуемого грамматического явления, а также оставляет без ответа множество вопросов, связанных с особенностями его функционирования. В частности, 1) каким образом языковое средство может обозначать нереальность, т.е. то, чего не существует в восприятии человека и то, что он не способен описать; 2) если сослагательное наклонение является формой сообщения, то каковы истоки ее «появления» и осознания как таковой в речевом взаимодействии коммуникантов; 3) чем продиктована необходимость данного сообщения о фактическом статусе высказывания в живом человеческом общении.

Существующие вопросы свидетельствуют если не об остром методологическом кризисе, то о серьезном несовершенстве тех теоретических моделей, которые до настоящего времени составляли основу исследований грамматического явления сослагательности. Как было отмечено ранее, сам термин, указывающий на структурный признак подчинения, определяет языковое средство как замкнутое в себе, самоорганизующееся формообразование. Исходя из этого, в контексте данной научной работы все грамматические конструкции, выражающие ситуации, которые «не совпадают с фактами в настоящем или прошедшем» (И. Иатриаду), будут называться **контрафактивными**. Подобный выбор определения продиктован логикой последующего изложения теоретической концепции, лежащей в основе исследования: из всех вариантов толкования учеными понятия контрафактивности, именно подход И. Иатриаду, как представляется, не противоречит принципам когнитивной парадигмы языка. Факт понимается как состоявшееся или имеющее место в настоящем событие или явление, соответственно контрафактивность в языке выражает то, что не соотносится с фактами (а не противоречит им сугубо логически), однако это несоответствие так или иначе «привязано» к фактам, т.е. основано на пережитом или переживаемом, в отличие от фантастической модели невоспринимаемой нереальности.

Таким образом, применение нового подхода к описанию языка, освобожденного от доминирования строгих догм структурализма, формализма и функциональной логики, как представляется, поможет найти решение имеющихся в языкознании проблем, связанных с неопределенным статусом контрафактивности (традиционно сослагательного наклонения). При таком подходе язык должен восприниматься не в качестве функционирующего отдельно от человека механизма, а как непосредственная биологическая способность индивида, обусловленная когнитивными процессами, происходящими в его организме. С этой точки зрения можно адекватно ответить на вопросы о том, как и посредством чего контрафактивность реализуется в языковом опыте индивида и с какой целью используется им в речевом общении.

Во **ВТОРОЙ ГЛАВЕ «Контрафактивные конструкции с позиции био-социо-культурного подхода к языку»** освещаются основные принципы био-

социо-культурной парадигмы языка, созданной представителями когнитивной лингвистики второго поколения. На основе применения интегративной методологии нового направления рассматривается семиотическая природа контрафактивных грамматических конструкций, выдвигается и обосновывается гипотеза о существовании в сознании носителя языка грамматического прототипа «супрареальность», который формулируется в виде системного значения категории контрафактивности, а также проводится подробный анализ языковых форм, посредством которых контрафактивность представлена в языковом опыте индивида.

Биокогнитивная парадигма исследования языка, разработанная в рамках когнитивной лингвистики второго поколения, предлагает новый взгляд на сущность и природу языка и языковых явлений. Признавая язык прежде всего как биологическую функцию живого организма с операционально замкнутой нервной системой (У. Матурана, Дж. Коули), представители новой парадигмы рассматривают все особенности функционирования языка сквозь призму антропоцентризма: человек и человеческое сознание становятся отправной точкой лингвистических исследований. Биологические особенности развития нейронных сетей и работы мозга обуславливают определенные адаптивные механизмы, обеспечивающие приспособление живого организма к окружающей среде. Посредством концептуализации и категоризации реалий окружающей действительности человек накапливает знания и опыт взаимодействий (в том числе языковых) со средой как результат запоминания реакций на рекурсивные воздействия внешних стимулов (в том числе языковых символов), что помогает адекватно опосредовать данные реалии, т.е. ориентироваться в них и вырабатывать определенное (в том числе языковое) поведение.

Субъект познания накапливает опыт взаимодействия с внешней средой посредством собственного чувственного восприятия эмпирического характера (основа *феноменологического знания*), либо используя уже имеющиеся в языковом социуме знания в виде «готовой» информации (основа *структурального знания*). Результатом накопленных знаний об окружающем мире и языке являются сформированные в сознании индивида *когнитивные структуры* и *языковые категории*. Первые представляют собой продукт осмысления пространственных отношений и включают в себе модель ориентации в окружающей его действительности, вторые отражают представления индивида о языковых символах (лексике) и правилах их использования (грамматике) в окружающем его языковом обществе. В процессе речевой деятельности происходит означивание языковых категорий, т.е. их ассоциация на ментальном уровне с теми или иными когнитивными структурами, что обеспечивает успешную координацию участниками коммуникации действий друг друга в окружающем пространстве. *Значение* отдельно взятой языковой категории, тем самым, есть продукт языковой кодификации одной содержательной сущности – определенной когнитивной структуры, что указывает на его недискретную природу. Другими словами,

ввиду физиологических характеристик памяти и мышления человека (см. работы Н. П. Бехтеревой, Т. В. Черниговской, С. А. Песиной, И. К. Архипова, А. В. Кравченко, Д. Н. Новикова и др.) значение языковой категории «существует» в сознании человека в своем системном, прототипическом виде. Все остальные семантические варианты языковых форм, описываемые в словарных статьях или учебных пособиях, есть *смыслы* – продукт индивидуального ситуативно обусловленного использования и интерпретации языковых средств.

Языковая категория начинает осознаваться индивидом как таковая в результате многократного использования определенных языковых репрезентаций в тех или иных сочетаниях при означивании когнитивной структуры. Данные комплексные сочетания языковых средств (лексем и/или их форм), предстающие наблюдателю в качестве **грамматической конструкции**, приобретают статус вторичной языковой репрезентации и становятся стабильной единицей языкового опыта индивида. Иначе говоря, грамматические конструкции есть не что иное, как семиотическое единство языковых средств, используемое представителями языкового социума для оказания нужного ориентирующего воздействия друг на друга в окружающем пространстве. Контрафактивность, соответствующим образом, есть языковая категория, осознаваемая индивидом на базе языкового опыта и указывающая посредством определенных грамматических конструкций на определенный ориентирующий смысл.

Исходя из этого, ориентирующее назначение контрафактивных грамматических конструкций, фиксируемое в сознании интерпретатора высказывания, заключается в установке на такую координацию внимания и действий, которая должна происходить относительно «надмысливаемой» говорящим собственной реальности. Ее можно определить как **супрареальность**, образ альтернативной действительности, «надстраиваемый» сознанием говорящего над образом актуальной действительности в той или иной ситуации общения. Данный вывод был получен в результате когнитивного анализа широкозначного глагола *would*, представляющего «ядро» формального выражения категории контрафактивности. Универсальный принцип базисного формирования категории от простого к сложному, от частного к общему (А. Ченки, Э. Рош), соответствующий постулатам психолингвистов о механизме речевого производства (А. Р. Лурия, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев), указывает на то, что именно простейшая репрезентация – лексема *would* – с ранних этапов категоризации человеком действительности (в том числе языковой) становится для субъекта познания первоначальным «ориентиром» на образ супрареальности. Процесс освоения речевой деятельности для ребенка всегда происходит с момента узнавания простых языковых символов и означивания их с формирующейся или сформированной когнитивной структурой перед тем, как он осознает и усваивает вторичные языковые репрезентации. Более того, научные обобщения структуралистов о

грамматических формах выражения контрафактивности неизменны в признании *would* постоянным компонентом соответствующих конструкций.

Широкозначность глагола *would* подразумевает широкий спектр речевых смыслов, реализуемых его системным значением не на основе переноса понятий (в отличие от многозначности), а ввиду многочисленных потенциальных ситуаций и языковых сочетаний, в которых данная легко воспроизводимая и стилистически нейтральная глагольная единица может быть использована для выражения тех или иных семантических оттенков. Когнитивный семантический анализ показал, что лексема *would* ориентирует говорящего на «двойной» образ (образ в образе) реальности «после», который в исследовании формулируется как *the image of the image of after-now* (воображаемое «предвосхищение», по Д. А. Штелингу). Это свидетельствует о существовании в сознании языковой личности образа «еще одной», дополнительной, надстраиваемой реальности, которую субъект проецирует в сознании как результат сравнения с актуально воспринимаемой действительностью. Данную супрареальность, таким образом, условно можно назвать системным значением или **грамматическим прототипом** контрафактивных грамматических конструкций, который актуализируется в речи для выражения различных прагматических целей (недовольство непосредственной реальностью, проецирование и воображение возможных ситуаций и т.д.).

Стоит также отметить, что ментальный образ супрареальности, который моделируется сознанием в зависимости от речевой интенции говорящего, нуждается в дополнительных характеристиках с позиции логики и функциональности:

Таблица 1

Реальность	МЫСЛИТЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ (МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ)	Супрареальность
Восприятие актуального настоящего окружающего мира, в котором существует человек	БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА	Обработанная мышлением собственная реальность сознания, надстроенная над образами (образом) непосредственной реальности, воспринимаемой человеком из окружающего мира.
То, как сознание воспринимает реальность, определяет следующий ее характер: она может быть истинной, ложной (<i>Pigs can fly</i>), образной (<i>Harry Potter left home for Hogwarts</i>).	ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	То, зачем сознание «надстраивает» супрареальность, определяет отсутствие критерия истинности в ее характеристике (<i>If only pigs could fly – if only pigs couldn't fly</i>), но предполагает фактор образности (<i>Harry Potter wouldn't have left home for Hogwarts if he hadn't found the</i>

Фактивные формы (<i>He is going to bed, he will feel refreshed tomorrow</i>)	ОФОРМЛЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ ЯЗЫКА	<i>platform</i>). Контрафактивные формы (<i>If he went to bed, he would feel refreshed tomorrow</i>)
--	----------------------------	--

Анализ репрезентации контрафактивности в языковом опыте англоязычного социума включал исследование когнитивного, языкового и речевого аспектов всех грамматических конструкций, которые способны служить участникам коммуникации средством означивания супрареальности. В результате был сделан вывод о следующей репрезентативной «схеме» категории контрафактивности: ядро категории образует сочетание *would_{could/might}* + Inf; в ближайшей периферии располагается конструкция *would_{could/might}* + (Inf) + (*if*) + V₂, представляющая более распространенное описание супрареальности (сюда входят такие сочетания, как S + *wish* + S + V₂; S + *would rather / prefer* + S + V₂); дальнюю периферию репрезентативного уровня категории образуют те конструкции, в которых фигурирует только форма прошедшего времени: *if / if only / as if/it's time* + V₂.

Форма прошедшего времени используется для уточняющего описания супрареальных событий, в то время как основное и главное действие в проецируемом образе представляется говорящим и воспринимается наблюдателем на уровне сочетания *would* + Inf. Стоит отметить взаимосвязь категорий контрафактивности и времени на уровне когнитивных структур: формы прошедшего времени используются говорящим для описания действительности, фактически не существующей, а представленной в его сознании только в виде образов воспоминаний. Живой организм существует только «здесь и сейчас» и функционирует в единственной реальности настоящего, в каждый следующий момент изменяемой; соответственно, прошлое (как и будущее) – это всего лишь описания того, чего нет (М. К. Мамардашвили, У. Матурана). Аналогичным образом прошедшее время «помогает» языковой личности мысленно дистанцироваться от позиции «здесь и сейчас» и описать то, чего нет, но и не сохранилось в памяти, а что мыслится лишь потенциально, в «ментальной надстройке».

Главное отличие языковых форм, способных актуализировать смысл прошедшего времени и супрареальности (*you did*), состоит в их принципиальном ориентационном назначении говорящим, которое иллюстрирует разные типы репрезентируемых знаний. Супрареальность как когнитивная структура и контрафактивная конструкция как структура языковая отражают **феноменологическое** знание индивида, полученное в результате такой познавательной деятельности, относительно которой он как субъект познания выступает в качестве отправной точки. Таким образом, в первом случае *you did* точка отсчета не определена конкретно, поскольку сказанное относится к опыту языкового социума, общей совокупности знаний (то, что известно); во втором – выражаемые пространственные отношения ориентированы на конкретного мыслящего (по аналогии с наблюдающим) субъекта восприятия и имеют место только относительно него (то, что

мыслимо). Например: *you did it right* (я знаю это) – *if only you did it right* (я мыслю об этом, т.е. подключаю воображение).

Данный факт также объясняет то, почему так называемое «будущее в прошедшем» не может считаться средством выражения категории времени, несмотря на распространенное мнение представителей структурализма. В предложении *He said he would do* говорящий ориентирует интерпретатора относительно точки отсчета, которая не определена конкретно, а представлена в собирательном виде, только один раз – в момент упоминания факта *he said*. В отличие от этого известного события, произошедшего в прошлом, описываемое действие *would do* не относится к совокупности знаний «кого-то» и не воспринимается как факт (просто потому, что из высказывания *неизвестно*, произошло/происходит ли действие или нет). Соответственно, взяв на себя роль «рассказчика», говорящий строит сложную мыслительную схему событий, одни из которых сохранили свой образ в памяти, другие пока мыслятся потенциально, в ментальной надстройке. Образ супрареальности помогает говорящему в данном случае осуществить сложный когнитивный процесс и «дистанцироваться» еще дальше, чем прошлое, чтобы восстановить цепь описываемых событий.

Вопреки представлениям традиционной лингвистики, сочетания с глаголом *should* (*I suggest that you should.../ it is surprising that you should ...*) и конструкции типа *that he be* не являются репрезентацией супрареальности и не входят в состав формальных компонентов ее описания, фиксированных в языковом опыте индивида. Анализ когнитивных, семантических и прагматических характеристик языковых репрезентаций на степень соответствия системному значению «супрареальность», подкрепленный результатами ассоциативного эксперимента, который был проведен среди носителей американского варианта английского языка, выявил ориентирующий смысл *директивы*, выражаемый данными формами.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о грамматическом прототипе – супрареальности, актуализирующемся посредством контрафактивных конструкций, в которых лексема *would* и формы прошедшего времени используются в различных сочетаниях для описания альтернативно мыслимого развития событий, надстраиваемого сознанием, получает свое обоснование проведенными когнитивным и семантическим анализами формальных репрезентаций.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ «Функционирование контрафактивных грамматических конструкций в американском предвыборном дискурсе» выделяются основные критерии для описания смысловых особенностей контрафактивных конструкций, реализуемых в коммуникативной ситуации предвыборного дискурса. В рамках описанных прагматических параметров анализируемого типа дискурса определяются основные когнитивные функции системного значения (грамматического прототипа) контрафактивных конструкций «супрареальность», в которых оно реализуется в конкретной речевой ситуации для достижения поставленных целей.

С прагматической точки зрения, предвыборный дискурс представляет собой богатый источник различных речевых ситуаций, в которых актуализируется системное значение «супрареальность» как прототип контрафактивных конструкций. В настоящем исследовании предвыборный дискурс определяется как открытый корпус текстов, реализующий в рамках социально-политической коммуникативной ситуации речевую деятельность предвыборной тематики. Под коммуникативной ситуацией подразумевается избирательная кампания, проходящая в преддверии президентских выборов в любом демократическом государстве (в данном случае – США).

Прибегая к описанию супрареальной ситуации вместо актуально действительной, автор речевого акта (кандидат в президенты) нацелен на определенные стратегии и тактики, обусловленные установкой повлиять на эмоционально-волевую сферу слушателя (потенциального избирателя) таким образом, чтобы тот отдал свой голос в пользу «правильного» кандидата. Среди подобных стратегий выделяют *внушение* (такая подача информации, при которой ее восприятие происходит бессознательно и без критического осмысления) и *персуазию* (убеждение реципиента, которое происходит посредством подачи фактов, доводов и аргументов в намеренно «искаженном» виде).

На основе применения методов когнитивного, семантического и прагматического анализов в исследовании удалось выделить следующие когнитивные функции системного значения «супрареальность» в предвыборном дискурсе: супрареальность «проекта», «проекции» и «ретроспективы».

Функция «**проекта**» заключается в том, что системное значение «супрареальность» реализуется для описания планируемых, задуманных действий и событий, лежащих пока исключительно в плоскости надстраиваемой реальности со всеми сопутствующими обычно данному обстоятельству последствиями (*отсутствие гарантий* на их осуществление, рисуемая *сказочность радужных перспектив* и т.д.). Результаты исследования позволили выделить следующие смысловые типы «супрареальности проекта» в различных речевых актах предвыборного дискурса:

- 1) проект как обещание (реклама лучшего будущего);
- 2) проект как антиреклама обещаний конкурентов (дискредитация тех же обещаний оппонентов по предвыборной кампании);
- 3) проект последствий (описание следствий политических ходов, решений и репрезентация возможных вариантов будущей политической модели с целью псевдоаргументации своего единственно «правильного» видения будущей и настоящей политической ситуации в государстве);
- 4) проект плана (описание планируемых действий, реализация которых находится в разработке).

Одним из действенных стратегических приемов при описании супрареальности в функции «проекта» является тактика *переключения планов* реальности и супрареальности:

My agenda would make government simpler, smaller and smarter <...> I would pledge to do all that a President can to get America working again. <...> As President, I will reverse the Obama-era defense cuts. I believe a strong America must – and will – lead the future...

Переключая собственные предвыборные обещания из плана проекта в «режим» предвосхищения, выступающий начинает фокусировать внимание аудитории в разных ракурсах, тем самым *манипулируя восприятием*, а значит и смысловой интерпретацией преподносимой информации. При этом «жонглирование» фактивными и контрафактивными формами, по всей видимости, заставляет адресата постепенно утрачивать осознанный контроль за «правдивостью» исполнения предвыборных обещаний.

Описание супрареальных последствий обещаемых реформ (как самого кандидата, так и его оппонента), как правило, применяется в рамках персуазии, где убеждение адресатов достигается путем манипуляции сознанием, когда отдельные аргументы или факты не являются абсолютно достоверными, проверенными или логически бесспорными, но преподносятся таковыми:

President Obama's entitlement society would demand a massive growth of government. To preserve opportunity, we must shrink government not grow it.

Прибегая к **ретроспективе**, автор предвыборного выступления, как правило, репрезентирует предвосхищаемую реальность «после» в описываемой реальности «до» относительно точки отсчета в виде фигуры мыслящего субъекта восприятия – позиции «здесь и сейчас». Посредством этого он обращается к описанию прошлого в его различных проявлениях:

- прошлое нации,
- собственный опыт (в решении политических задач),
- опыт оппонентов,
- опыт знаковых личностей и выдающихся исторических деятелей.

Исходя из этого, «супрареальность ретроспективы» может актуализироваться в следующих речевых ситуациях:

- 1) ситуация национально-исторической ретроспективы (обращение к знаковым вехам исторического развития американской государственности);
- 2) ситуация художественно-символической ретроспективы (обращение к темам «вымышленного описания», т.е. знаковым произведениям литературы, кино и т.п.);
- 3) ситуация биографической ретроспективы (обращение к событиям из жизни отдельно взятой личности);
- 4) ситуация ретроспективы личного опыта (обращение к событиям, произошедшим непосредственно в жизни автора предвыборной речи, как правило, накануне выступления);

5) ситуация ретроспективы опыта конкурента (обращение к событиям, произошедшим в жизни соперника по предвыборной гонке).

Обобщая результаты анализа данной функции системного значения «супрареальность», можно отметить, что его актуализация в различных речевых ситуациях помогает оратору *спекулировать прошлым* в общем смысле этого слова: описание проектов в пространственно-временной плоскости «до» помогает *приукрасить значимость* собственной политической фигуры (ср., например: *During my time in office, <...> I vetoed a bill that would have opened the door to cloning and embryo farming. I vetoed a bill that would have allowed young girls to gain access to abortion-inducing drugs*), либо избежать упоминания «неудобных» фактов или последствий уже проведенной политики (ср., например: *We were very much involved at the U.N. on the sanction policy of the Bashir government in the Sudan. Prior to Darfur, Ambassador Jack Danforth had been negotiating a north-south agreement that we would have hoped would have brought peace to the Sudan*) для оказания более эффективного суггестивного и персуазивного воздействия на потенциального избирателя.

Супрареальность в функции «проекции» служит ментальной надстройкой «дополнительной» реальности в сознании говорящего при стремлении описать актуальное настоящее так, как он его «сценарно» представляет, т.е. согласно его задуманной схеме все сейчас происходит тем или иным образом, однако в реальности этого пока не наблюдается в чистом виде. Под «задуманной схемой» в данном случае подразумевается широкий диапазон мотивов и речевых интенций, заставляющих языковую личность отражать происходящее в супрареальном образе:

- желание осуществления какой-либо ситуации;
- сожаление о неосуществлении или неосуществимости этой ситуации;
- стремление указать на очевидность наличия или отсутствия чего-либо в данный момент;
- стремление быть вежливым и т.д.

«Супрареальные спекуляции» оратора тем, чего нет в актуальном настоящем, как правило, оказывают манипулятивное воздействие на аудиторию в рамках персуазивной стратегии с элементами суггестии. Преподнесение аргументов в *непрямой форме* (не факты, а их проекция) помогает говорящему перефокусировать внимание адресата с восприятия и аналитической оценки их непосредственно содержательной сущности на интерпретацию их супрареального смысла, что во многих случаях оказывает эффект близкий к гипнотическому:

The reason I work so hard for personal liberty is a very important reason. It's for myself, it's for my family, my friends, my neighbors and our country. Because I believe if we did have our liberties we would have more prosperity.

Смягчение высказываний с помощью контрафактивных форм (*would like, would say*) *сглаживает их категоричность*, что помогает высказываниям

оратора звучать вежливо и уважительно по отношению к аудитории. В некоторых частных случаях периферийные репрезентации категории супрареальности (*as if...*) в функции «проекции» помогают выразить **отношение автора** к описываемому явлению (*Even so, we hear talk of a meeting with the Iranian leadership offered up as if it were some sudden inspiration, a bold new idea that somehow nobody has ever thought of before*).

Таким образом, речевое отражение и конкретная смысловая реализация системного значения «супрареальность» в рамках анализируемого предвыборного дискурса есть образ «псевдореальности», своего рода картина недостоверной действительности. Прагматическая нагрузка «псевдореальности» обусловлена ярко выраженным стремлением говорящего, кандидата на избираемый пост, обрисовать альтернативное развитие событий в той модели действительности, которая по разным причинам ему «удобна». То есть, описание «сказочных» обещаний и планируемых реформ, возможных губительных для страны политических действий оппонента и задуманного в проекции аспекта настоящей действительности оказывает более глубокое воздействие на сознание и психологическое состояние слушателей, а также способствует замалчиванию автором предвыборной речи «невыгодных» ему фактов. Соответственно, создание ментального образа «псевдореальности» представляет собой особый прием стратегии внушения и персуазии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ когнитивной и речевой деятельности человека, предпринятый в настоящем исследовании, раскрывает семиотическую и функциональную сущность английских контрафактивных конструкций, что предлагает новое или совершенствует имеющееся описание семантических, структурных и прагматических характеристик данной языковой реалии.

Любое языковое средство становится в процессе коммуникации ориентиром для ее участников, поскольку способно указывать на определенную смену внимания и/или действий для успешной координации в пространстве. Это происходит благодаря тому, что по мере накопления опыта взаимодействия с внешней средой и окружающим социумом человек учится кодировать приобретенные знания в языковом символе. Соответственно, контрафактивные грамматические конструкции можно рассматривать как семиотическое средство комплексного характера, используемое участниками языковой коммуникации с целью изменить поведение друг на друга в окружающем пространстве. Это изменение заключается в установке на такую координацию внимания и действий, которое должно происходить относительно «надмысливаемой» говорящим собственной реальности (супрареальности). Это, в свою очередь, отражает результат его познавательной деятельности и категоризации действительности – способность к когнитивной «переработке» воспринимаемой реальности и мысленной надстройке собственного супрареального пространства. Супрареальность как грамматический прототип

конструкций контрафактивности «материализуется» в языковом опыте индивида сочетанием форм прошедшего времени и лексемы *would* в определенных комбинациях. В рамках отдельно взятых речевых ситуаций, в частности американского предвыборного дискурса, контрафактивные конструкции помогают говорящему (кандидату на пост президента) нарисовать в сознании потенциального избирателя недостоверную и нереалистичную картину действительности, поскольку такой образ реальности способствует своего рода навязыванию различных установок и убеждений.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях (из перечня ВАК при Минобрнауки РФ):

1. Дружинин, А. С. О статусе сослагательного наклонения в английском языке в свете когнитивной лингвистики / А. С. Дружинин // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов: "Грамота", 2012. – № 2 (13). – С. 62–65 (0,4 п.л.).
2. Дружинин, А. С. Знаковая сущность грамматической конструкции / А.С. Дружинин // Вестник МГИМО–Университета. – 2012. – № 5. – С. 210–214 (0,5 п.л.).
3. Дружинин, А. С. Моделирование «псевдореальности» в американском предвыборном дискурсе посредством контрафактивных конструкций английского языка / А. С. Дружинин. – Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – СПб., 2014. – № 1. – С. 41–45 (0,38 п.л.).

Публикации в других изданиях:

4. Дружинин, А. С. Когнитивный анализ семантики глагола WOULD в свете проблемы идентификации наклонения в английском языке / А.С. Дружинин // Мир – Язык – Человек: материалы II Всерос. научно-практ. конференции с междунар. участием / Владим. гос. ун-т имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012. – С. 132–140 (0,35 п.л.).
5. Дружинин, А. С. О категории супрареальности, или грамматическом прототипе контрафактивных конструкций в английском языке / А. С. Дружинин // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы межвузовской научной конференции, 16-17 мая 2013 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – С. 56–57 (0,05 п.л.).